

АСЯ КОНСТАНТИНОВНА ШАРАПОВА

аспирант кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
koshman.asya@yandex.ru

ЗООТРОПЫ В ТЕКСТАХ СБОРНИКА «ДИВНАЯ ВОДЛА-ЗЕМЛЯ» А. С. МОНАХОВОЙ

А н н о т а ц и я . Анализируются зоотропы в текстах, записанных от информантов в деревне Водла Пудожского района Республики Карелия в ходе проведения экспедиций на протяжении более пятидесяти лет. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности зоотропов как инструмента создания образности в фольклорной традиции Русского Севера. Цель – выявить производные и непроизводные зоотропы и их функции в фольклорных текстах, определить их специфику по сравнению с фиксацией в словарях, провести анализ зооморфных компаративных конструкций и определить роль зоотропов в народной лирической песне. Используются семантический и корпусный методы. Отмечено, что лексические единицы включены в фольклорный текст, пересказываемый информантами. В тексте, где жители Водлы повествуют о своей жизни, культуре и быте, зоотропов не обнаружено. Незначительное количество лексем, использованных в переносном значении в анализируемых текстах, не представлено в лексикографических источниках. Как показал анализ, зоотропы в данных текстах выполняют функцию номинации по особенностям поведения (описание силы, ловкости, прыткости) и по качествам характера. Зооморфная лексика для отражения внешних свойств человека используется только в компаративных конструкциях. В лирических народных песнях Водлы образы животных нередко применяются в качестве символов мужчины и женщины, что обусловлено спецификой народной лирической песни. Сделан вывод о том, что зооморфная лексика играет важную роль в фольклорной традиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : зоотропы, пудожский говор, говор Карелии, народная лирическая песня, лексическая семантика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шарапова А. К. Зоотропы в текстах сборника «Дивная Водла-земля» А. С. Монаховой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1071

ВВЕДЕНИЕ

Богатый и яркий русский язык позволяет дать номинацию человеку и одновременно охарактеризовать его не только по имени. С этой целью используются зоотропы, то есть «названия животных в переносном антропоцентрическом значении» [10: 22], которые

«позволяют с помощью имеющихся языковых единиц назвать человека и дать ему характеристику в широком диапазоне ментально и перцептивно воспринимаемых качеств» [12: 246].

Вопросы полисемии и прагматики изучали такие известные лингвисты, как Л. В. Щерба [13], В. В. Виноградов [2], Анна А. Зализняк [7], Ю. Д. Апресян [1], М. А. Кронгауз [9]. Современные исследователи, в том числе Т. В. Звездина, Н. А. Новоселова [8], рассматривают социокультурный аспект зоометафор, З. И. Минеева [10],

[11], [12] – особенности, функции и прагматический потенциал зоотропов. А. М. Дундуковой принадлежат работы, посвященные названиям животных и птиц в фольклорной традиции Карелии [3], [4], [5], [6].

Несмотря на широкую представленность в научной литературе вопросов зоометафоры, языка фольклора и названий животных, зоотропы в фольклорных текстах, записанных на территории Карелии, до сих пор не становились предметом изучения. Как отмечает З. И. Минеева, одним из основных источников зоотропов является русская культура, которая, в свою очередь, связана с фольклорными текстами, народными культурными традициями, что обуславливает актуальность рассмотрения зоотропов в фольклорных текстах, собранных в Пудожье. Вслед за ученым мы отмечаем, что реализация переносных значений в номинативной функции происхо-

дит в том числе «в составе сравнительных и параллельных конструкций» [10]. В связи с этим в статье рассмотрены компаративные конструкции, в которых присутствует сравнение человека и животного по чертам характера или внешности.

Исследование проведено на материале двухтомного сборника А. С. Монаховой «Дивная Водла-земля» 2012 года (Сборник)¹, который представляет собой корпус текстов, записанных в разные годы от информантов – жителей деревни Водла – в ходе проведения экспедиций на протяжении более 50 лет. Наряду с рассказами информантов о быте и культуре в Сборнике представлены народные лирические песни, частушки, заговоры, деревенские романсы, описание похоронных и свадебных обрядов, а также воспоминания о жизни тех, кто прожил в Пудожском районе всю жизнь. Рассказчиками в основном выступали пожилые представители местного населения, хранившие воспоминания о родственниках, культуре, повседневной жизни и быте пудожских деревень.

Целью проведенного исследования стало изучение семантики и функций зоотропов как инструмента создания образа героя повествования в текстах, записанных от носителей русского говора Карелии в деревне Водла. Для достижения поставленной цели выявлена семантическая, синтаксическая и стилистическая специфика отдельных лексических единиц и включающих их конструкций. Объектом стал водлинский говор пудожского диалекта русского языка, предметом исследования послужили зоотропы, компаративные конструкции с зооморфными фольклорными образами. В работе применялся семантический метод, компонентный анализ, сопоставительный метод с использованием «Большого толкового словаря» под ред. А. С. Кузнецова (БТС)² 2000 года, «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» 1995 года (СРГК)³, а также Толкового словаря словообразовательных единиц Т. Ф. Ефремовой 2005 года (Ефремова)⁴, корпусный метод при обращении к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ)⁵, стилистический анализ фольклорных текстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диалектная специфика

В расшифровках записей сохраняется местный говор, в том числе отражаются фонетические особенности, например так называемые оканье и ёканье, йотирование, мягкий звук [ц] звучит вместо [ч] и [ц] (Сборник: 37); грамматические – отличные от норм русского языка падежные окончания или обороты со страдательным

залогом и др.; лексические особенности – характерные для северного говора слова древнерусского происхождения и др. Ранее эти явления изучались такими известными диалектологами, как Б. П. Ардентов, В. В. Колесов, Л. П. Михайлова.

Зоотропы

В материалах сборника «Дивная Водла-земля» А. С. Монаховой обнаружены 20 зоотропов (*гад, голубка, жаба, змея, лебедь, паразит, сокол, сорока, свинья, утка, чайка*), в том числе диминутивы с суффиксами субъективной оценки: *-оньк-* (*голубонька*) с ласкательным значением (Ефремова: 349), продуктивный в фольклоре и разговорной речи формант, образующий имена *pluralia tantum* с ласкательным значением (Ефремова: 494), *-ик-* (*ежики*) со значением уменьшительности и экспрессией ласкательности (Ефремова: 181), *-ушк-* (*голубушка, горностаюшка, заюшка, лебедушка*), *-инк-* (*лебединка*) (Ефремова: 202), *-к-* (*овечка*) (Ефремова: 490), *-иц-* (*рыбица*) (Ефремова: 221).

В свадебной приговорке, записанной от Александры Борисовой в 1998 году, зоотроп *жаба* встречается в качестве номинации мужчины с оттенком пренебрежительности:

«А у родимого-то батюшки, Да у родимой-то ма- тушки сыто ела, звонко пёрнула. А у мужа у жабы Не выписся» (Сборник: 237).

При сопоставлении материалов Сборника и лексикографических источников отмечено переносное значение слова *жаба*: «Перен. О болтливом человеке. Когда болтает много, так кто-нибудь возьми и скажи: “Жаба, сядь”» (СРГК), фиксируется в СРГК и Сборнике. В БТС переносное значение у этой лексемы не зафиксировано. В основном корпусе НКРЯ 2000–2019 годов лексическая единица представлена в переносном значении ‘некрасивая женщина’ с оттенком пренебрежительности:

«Вот поэтому Светка, жаба в оборках, ей этот компромат и предоставила для расправы, надеялась, видно, что это ей зачтется, в хорошем смысле» [М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)] (НКРЯ).

Отметим, что лексическая единица (ЛЕ) *лебедь* с переносным антропоцентрическим значением в качестве средства выразительности, как это представлено в колыбельной, записанной от Марфы Ковиной в 1971 году, в СРГК и НКРЯ не отмечена:

«Спи, Оленушка моя, Да лебедь бела дорога» (Сборник: 167).

В БТС лексема имеет сходное значение, что и в фольклорном тексте («2. Только ж. (обычно

в обращ.). Нар.-поэт. О молодой женщине, девушке» (БТС: 488)). В основном корпусе НКРЯ 2000–2019 годов слово встречается в качестве аллюзии на сказку о гадком утенке:

«В довершение Сережа был правдив, то есть не приравливался ко вкусам, но представал таким, каков он есть в действительности: наполовину лебедем, наполовину гадким утенком взрослого размера, в подростковой тесной курточке и с ранним увяданием под акварельно-мутными глазами, всегда тревожными [О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)] (НКРЯ),

а также аллюзии на балетную миниатюру «Умирающий лебедь»:

«Домой возвращалась всегда больная и несчастная. – А, умирающий лебедь явился! – язвила Анна. – Конечно – лежачего не бьют! [Л. Мядзелиц. Иришка (2011) // «Ковчег», 2012] (НКРЯ).

В тексте частушки, пересказываемом Верой Чистяковой в 2000 году, лексема *паразит* используется как средство создания образа одушевленного полового органа:

«А через гору, через межу Хер кричит: “Манду за режу!”; А манда в ответ кричит: “Не зарежешь, паразит!”» (Сборник: 317).

В структуре семантики слова отсутствуют компоненты ‘тунеядец’ и ‘дурной человек’, которые есть в словарной статье БТС: «2. Тот, кто живет чужим трудом; тунеядец. 3. Бранно. О дурном человеке; о человеке, совершившем плохой поступок» (БТС: 780). В СРГК ЛЕ не зафиксирована, а в НКРЯ встречается в качестве пейоратива:

«Спросишь: “Что ж ты гадишь, паразит?” А он: “А мне за это не платят”» [А. Бармин. Трудолюбия, дармоеды и кибернетика // «Дальний Восток», 2019] (НКРЯ).

Слово *сорока*, представленное в частушке, записанной от Клавдии Васюновой в 2000 году, выступает в качестве обращения к девушке без указания на особенности ее речевого поведения:

«Ты сударушка моя, Сорока белобокая, Раньше я к тебе ходил, теперь гора высокая» (Сборник: 351).

В СРГК единица не имеет переносного антропоцентрического значения. В БТС слово отмечено со значением «О болтливом, шумном человеке; о том, кто любит сплетничать (преимущественно о женщине)» (БТС: 1238). В НКРЯ слово представлено в составе компаративных конструкций, примеров использования в качестве зоотропов не отмечено.

Значение лексической единицы *гад* в частушке, записанной от Веры Исаевой, совпадает со значением, отмеченным в БТС и НКРЯ; в СРГК оно не представлено, как и в Словаре русских народных говоров:

«Я любила гада, Уважала гада, У него, у гада, Целая бригада» (Сборник: 286); ср. «2. Бранно. Отвратительный, мерзкий человек» (БТС: 190); ср. «Брата убило! Ему всего-то 19 лет! Вот какие гады! Кто же это сделал? [П. В. Жеребцова. Дневник (2002)] (НКРЯ).

То же наблюдение касается лексемы *голубка* в песне, записанной от Марфы Васюновой:

«Ой, называл он меня голубкой И в алы губы целовал» (Сборник: 115); ср. «2. Разг. Ласковое обращение к женщине» (БТС: 216); ср. «Я для тебя буду жить, потому что ты даешь мне жизнь, голубка моя» [В. М. Недошин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)] (НКРЯ).

Лексическая единица *свинья* отмечена в частушке, записанной от Валентины Борисовой в 2009 году, и выступает в качестве пейоратива:

«Ай мы с миленочком гуляли, Он назвал меня свиной. Люди думали свинина, Стали в очередь за мной» (Сборник: 449).

В БТС лексема имеет компоненты значения ‘грязный’ и ‘неопрятный’: «2. Разг. О грязном, неопрятном человеке с низменными привычками» (БТС: 1160). В НКРЯ *свинья* в большинстве случаев встречается в качестве пейоратива, как и в исследуемом материале Сборника:

«Хулиган! Свинья! Мерзавец!» [Ф. Ошевнев. Записки букиниста (2015) // «Ковчег», 2016] (НКРЯ).

Записанная от Анны Боботиной кадрель «Ой, пойдемте-ко, ребятаушка» содержит лексему *сокол*:

«Да к хороводу подошла, Да черным глазом навела На Ванюшу-сокола» (Сборник: 138).

Это же значение фиксируется в БТС: «2. Нар.-поэт. О мужчине, юноше, отличающемся удалью, отвагой, красотой» (БТС: 1231), что подтверждается данными НКРЯ:

«– Я и умереть готова, лишь бы тебе было хорошо, – поет жаворонок за девушку. – Сокол ты мой ясный... Что – сокол?» [В. Ю. Кунгурцева. Ведогони, или Новые похождения Вани Житного (2009)] (НКРЯ).

В текстах Сборника выявлены следующие лексические единицы с переносным антропоцентрическим значением: зоотроп *чайка* («У калитки заветная груша, Где не раз целовал я тебя. Скучно, грустно, моя дорогуша, Сероглазая чайка моя» (Сборник: 177), записан в тексте песни от Александры Петровой); диминутив *рыбица*, образованный по модели *рыба* > *рыбица* (*рыба* + *-иц-*) («Пила рудицу белая *рыбица*, Белая *рыбица* – красна девица» (Сборник: 312), записан от Веры Чистяковой в песне), а также модификаты с переносным антропоцентрическим значением: *голубонька*, образованный по модели *голубка*

‘женщина > голубонька (от основы голубк(а) отнят суффикс -к-, в состав основы входит суффикс -оньк-) («Спи, моя подруженька, Да спи, моя голубонька» (Сборник: 167), отмечен в тексте колыбельной, записанной от Марфы Чистяковой); горностаюшка, образованный по модели горностаи ‘ловкий человек’ > горностаюшка (горностаи + -ушк-) («Да нать поскок да сера заюшка, Да поворот да горностаюшка» (Сборник: 62), записан от Анны Боботиной в тексте песни «Ты подружка моя милая»); лебединка, образованный по модели лебедь ‘девушка’ > лебединка (лебедь + -инк-) («Баю, баю, Лену бай, Ягодиночка моя, Лебединка дорога» (Сборник: 167), отмечен в тексте колыбельной, записанной от Марфы Чистяковой). Эти слова не имеют переносного значения в материалах БТС, СРГК и НКРЯ. Модификат горностаюшка выполняет функцию номинации по схожести поведения человека с поведением животного с семантикой ласкательности. Слово рыбица в выявленном тексте Сборника выполняет номинативную функцию и имеет стилистическую народно-поэтическую маркированность. Лексемы голубонька, лебединка и чайка отмечены в качестве экспрессивных вокативов с мелиоративной коннотацией.

Отметим интертекстуальность используемых единиц в народной поэтической речи, что, однако, не фиксируется лексикографическими источниками. Так, например, лексема голубонька, используемая в фольклорном тексте, имеет переносное антропоцентрическое значение в Словаре русских народных говоров («2. Ласковое название женщины или девушки (обычно в обращении)»), тогда как не отмечается в других словарях.

Дериват заюшка образован по модели заяц ‘любимый человек’ > заюшка (зай- + -ушк-). В колыбельной, записанной от Марфы Чистяковой, лексема имеет компонент значения ‘умеющий хорошо прыгать’ («Да нать поскок да сера заюшка, Да поворот да горностаюшка» (Сборник: 62)). В СРГК и БТС лексема не встречается. В НКРЯ присутствует в качестве эмоционально окрашенного вокатива:

«Заюшка, ну что ты? – Татьяна Ивановна берет девочку на руки» [О. Нестерова. Диагноз: мама-кукушка // Труд-7, 31.05.2000] (НКРЯ).

Диминутив ежики (еж ‘человек, находящийся в постоянной защите’ > ежик (еж + -ик-)) отмечен в тексте частушки, записанной от Феклы Богдановой:

«Мы ребята ежики, У нас в карманах ножки, мы без ножиков не ходим, Без каменьев никогда» (Сборник: 490).

В СРГК переносного значения не зафиксировано, в БТС оно присутствует: «Разг. О неуступчивом, обидчивом, колючем человеке» (БТС: 295). В НКРЯ примеров использования в переносном антропоцентрическом значении не отмечено.

Переносных значений у модификата лебедушка (лебедь ‘девушка’ > (лебедь + -ушк-)), отмеченного в тексте свадебного причитания, записанного от Марии Васюновой, в СРГК не зафиксировано. В БТС лексема имеет переносное значение. В НКРЯ вхождений с лексемой не обнаружено:

«А спасибо ти, золовушка, Да белая лебедушка, За меня да заступиласи, Свекру в ноги повалиласи» (Сборник: 58); ср. «2. О молодой женщине, девушке» (БТС: 488).

Слово в аналогичной функции используется в других фольклорных жанрах [4: 86], [5: 73].

Модификат овечка (овца ‘робкий, безответный человек’ > овечка (овца + -к)), отмеченный в частушке, записанной от Валентины Борисовой, зафиксирован с семантикой, которая не включает компоненты ‘покорный’, ‘безответный’, тогда как в значении, указанном в БТС, они присутствуют:

«Милая моя, Белая овечка, Давай сделаем с тобой Живого человечка» (Сборник: 419); ср. «Разг. О робком, безответном человеке» (БТС: 696).

Отметим, что во вхождениях НКРЯ семантика диминутива овечка включает компоненты ‘покорный’, ‘слепо следующий’:

«Твоя обязанность – воспитать людей, а не овечек, работников, не проповедников: в здоровом теле – здоровый дух» [Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) (2015)] (НКРЯ).

Лексема лебедушка, записанная от разных информантов в разных текстах, представлена со значением ‘юная девушка’:

«Варварушка девушка, Да белая лебедушка. Белая Лебедушка, Зачесана головушка» (Сборник: 200).

В лексикографических источниках слово не представлено, в НКРЯ отмечены вхождения ЛЕ с тем же значением, что зафиксировано в материалах Сборника:

«Босиком по зеленой траве, в длинных расшитых сарафанах да кокошниках шитых жемчугами. Одно слово – лебедушки» [А. Г. Асмолов. Белошвейка и белоручка (2015)] (НКРЯ).

Диминутив голубушка с модификационным суффиксом -ушк-, используемым для образования слов «3. *Pluralia tantum* с ласкательным значением» (Ефремова: 494) (голуба ‘человек’ >

голубушка (голуба + -ушк), отмечен в нескольких текстах Сборника («*А ты спишь, моя голубушка. У Добротушки у матушки Было рано не разбужено Да на работушку не послано*» (Сборник: 64)), с аномальным значением в БТС («2. = Голубка (2 зн.). Милая, г., не расстраивайся так!» (БТС: 216)), а также в НКРЯ («*Ты еще, голубушка, не знаешь, что я знаю...*» [Александр Мардань. Тайна на троих // «Дальний Восток», 2019] (НКРЯ)).

Зоотропы часто являются эмоционально окрашенными единицами. В приговорке, записанной от Марии Меньшиковой, отмечен случай, когда лексическая единица нейтральна с точки зрения оценки: «*Зовут-то зовуткой, А величают уткой*» (Сборник: 624). Отметим, что в СРГК и БТС лексема не выявлена с переносным значением. В НКРЯ в переносном антропоцентрическом значении слово фиксируется только в составе фразеологизма *подсадная утка*:

«*Она неохотно подняла взгляд – не хотелось ни с кем разговаривать, ни с какой подсадной уткой, ни с одним как бы случайно оказавшимся рядом ее соотечественником, наверняка молодым и наверняка неженатым*» [М. Галина. Добро пожаловать в нашу прекрасную страну! (2013)] (НКРЯ).

В основном зоотропы и суффиксальные модификаты используются в качестве оценочного средства. Выделено 14 единиц с положительной коннотацией – *голубка, голубонька, голубушка, горностаюшка, заюшка, лебедь, лебедушка, лебединка, овечка, рыбица, сокол, сорока, утушка, чайка*, например:

«*Надоть силушка звериная, Да могут да лошадиная, Да нать поскок да сера заюшка, Да поворот да горностаюшка*» (Сборник: 62).

Пять лексических единиц (*гад, жаба, змея, свинья, паразит*) используются с негативной коннотацией. Без оценочного компонента встретились две лексемы: *утка* и *ежики*.

Как показало исследование, зоотропы представлены в текстах разных жанров неравномерно. Наибольшее количество лексических единиц встречается в жанре частушки, где отмечены зоотропы: *гад, ежики, овечка, паразит, свинья, сорока*. В свадебных песнях зафиксировано четыре слова с переносным антропоцентрическим значением (*голубушка, лебедь, лебедушка, утушка*), по три единицы – в свадебных причитаниях (*голубушка, горностаюшка, заюшка*), колыбельных (*голубонька, лебедь, лебединка*) и кадрили (*лебедь, лебедушка, сокол*). Также зафиксированы слова *голубка* и *чайка* в текстах фольклорных песен, в похоронном причитании модификат *голубушка*, в балладе слово *змея*, в жанре свадебных

поговорок отмечена лексема *жаба*, в тексте игровой песни – слово *рыбица*, в приговорке – *утка*.

Лексемы нередко используются с постоянными эпитетами: *белая лебедушка, сера утушка, белая рыбица* и др.

«*Пила рудицу белая рыбица, Пила рудицу белая рыбица. Бела рыбица – красная девица, Бела рыбица – красна девица*» (Сборник: 312).

Примечательно, что выделенные лексические единицы используются только в фольклорных текстах, пересказываемых информантами, в которых формирование яркого образа героя особенно важно. В текстах, где жители Водлы повествуют о своей жизни, культуре и быте, зоотропов не обнаружено.

Компаративные конструкции

В материале Сборника выявлена 21 компаративная конструкция: а) с союзами *как* и *что* («*У нее глаза, как от теленка*» (Сборник: 407); «*Глазки, что у рыбочки, Как у рыбки, у ерша*» (Сборник: 490) и др.); б) с творительным падежом сравнения, например: «*Пятьдесят бы было – дивья было бы, конём бы бегала!*» (Сборник: 432); «*Я во речку серой утушкой, А во озёрышка лебедушкой*» (Сборник: 81).

Выделенные компаративные конструкции дифференцированы функционально. Так, отмечено девять случаев, когда подчеркивается внешнее сходство человека и животного:

«*кудреватый, как баран*» (Сборник: 284); «*похож на петуха*» (Сборник: 285); «*А хорошо товарищ пляшет, Сапоги с калошами, Только губушки отвисли, Как у старой лошади*» (Сборник: 330).

Шесть конструкций используются для указания на особенности поведения человека, схожего с поведением животных:

«*набежало с улицей, как баранов и овец*» (Сборник: 448); «*повыла, как собака*» (Сборник: 317); «*девчонка, как белая чайка*» (Сборник: 420); «*вертлявая, как стрекоза*» (Сборник: 568); «*мой миленок, как теленок, Только разница одна: Мой миленок пьет из рюмок, А теленок из ведра*» (Сборник: 261); «*Сижу одна, как волк в кустах*» (Сборник: 351).

В трех случаях сравнение выступает скорее инструментом фольклорной поэтики, поскольку в тексте отсутствует мотивация сравнения человека и животного по качествам или внешности объекта номинации:

«*Пела, пела песенки, Да улетела с лесенки, Со парадного крыльца Да прокатилась, как овца*» (Сборник: 283); «*Сегодня девчонка в день свадьбы другая. Как белая чайка, у моря грустит*» (Сборник: 420); «*Ты оставила, подружка милая, Своих-то малых детонек, Как курушку с цыплятами, Как утушку с утятами*» (Сборник: 616).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ текстов сборника «Дивная Водла-земля» А. С. Монаховой показал наличие специфики в употреблении зоотропов. Не вся зооморфная лексика, представленная в сборнике, находит отражение в лексикографических источниках. Отмечается наличие переносного антропоцентрического значения, которое не фиксируется выбранными словарями, что свидетельствует о большом потенциале использования названий животных в качестве номинации человека. Зоотропы используются в качестве оценочного средства: в 18 случаях лексемы включают пейоративную или мелиоративную коннотацию. В двух случаях лексические единицы не имеют оценочного коннотативного компонента. Зоотропы с оценочным компонентом включены

в тексты, в которых необходимо формирование яркого образа героя: в частушки – с пейоративной коннотацией, свадебные песни и причитания – с мелиоративной коннотацией, в другие тексты, требующие образности. При этом информанты при повествовании о своей жизни используют только компаративные конструкции. В материале сборника выявлены 22 сравнительные конструкции, построенные с помощью союзов и с творительным падежом сравнения. Выделенные компаративные конструкции дифференцированы по функциям: они используются для отражения внешнего сходства человека и животного (девять конструкций), для указания на сходство поведения человека и животного (шесть конструкций), для передачи языковой игры, насмешки (три конструкции).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сборник – Монахова А. С. Дивная Водла-земля. М.: ООО «Вариант», 2012. 736 с.
- ² БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.
- ³ СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 2 / Гл. ред. А. С. Герд; Отв. ред. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 448 с.
- ⁴ Ефремова – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: Ок. 1900 словообразовательных единиц. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2005. 636 с.
- ⁵ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 12.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
2. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Дундукова А. М. К вопросу о трансформации парадигматических и синтагматических связей слов в фольклорном тексте (на материале лексики природного мира) // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 1. С. 143–146.
4. Дундукова А. М. Лексико-семантическая подгруппа «Водоплавающие птицы» в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 5 (118). С. 85–88.
5. Дундукова А. М. Названия животных и растений как тропо- и фигурирующие элементы фольклорного текста (на примере «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128). С. 73–75.
6. Дундукова А. М. Орнитонимы в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга: состав и функционирование // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / Редкол.: А. И. Смирнова (отв. ред.), А. В. Алексеев, И. Н. Райкова, Д. П. Шульгина. М., 2019. С. 320–326.
7. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
8. Звездина Т. В., Новоселова Н. А. Социокультурный аспект реализации потенциала инвективного функционирования зоометафоры «собака / кобель» // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 89–94 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-aspekt-realizatsii-potentsiala-invektivnogo-funktsionirovaniya-zoometafory-sobaka-kobel> (дата обращения 20.02.2024).
9. Кронгауз М. А., Пиперски А. Ч., Сомин А. А. Сто языков. Вселенная слов и смыслов. М.: АСТ, 2018. 224 с.
10. Минеева З. И. Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 22–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.564
11. Минеева З. И. Русские зоотропы в национальном корпусе русского языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 94 с.
12. Минеева З. И. Функции русских зоотропов // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 (61). С. 246–250.

13. Щербань Л. В. Избранные работы по русскому языку / Предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М. И. Матусевич; Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Поступила в редакцию 25.03.2024; принята к публикации 24.06.2024

Original article

Asya K. Sharapova, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
koshman.asya@yandex.ru

ZOOTROPES IN THE BOOK *THE WONDERFUL LAND OF VODLA* BY A. S. MONAKHOVA

Abstract. The paper analyzes zootropes in the texts recorded from informants in the village of Vodla (Pudozhsky District of the Republic of Karelia) during expeditions that lasted for more than fifty years. The relevance of the study lies in the insufficient study of zootropes as a tool for creating imagery in the folklore tradition of the Russian North. The objectives of the study were to identify derivative and non-derivative zootropes and their functions in folklore texts, to determine their specific features in comparison with the units recorded in dictionaries, to analyze zoomorphic comparative constructions, and to determine the role of zootropes in lyrical folk songs, using the semantic and corpus methods. It is noted that the analyzed lexical units are included in the folklore text retold by the informants. No zootropes were found in the text where Vodla residents tell about their life, culture, and everyday household activities. A small number of lexemes used in figurative meaning in the analyzed texts are not represented in lexicographic sources. As the analysis shows, zootropes in these texts perform the function of nomination by the peculiarities of behavior: description of strength, dexterity, agility, and traits of character. Zoomorphic lexicon is used to reflect the external qualities of a person only in comparative constructions. In lyrical folk songs of Vodla, the images of animals are often used as symbols of men and women, which is due to the specifics of such songs. The results of the study suggest that zoomorphic vocabulary plays an important role in folklore tradition.

Keywords: zootropes, Pudozhsky dialect, Karelian dialect, lyrical folk song, lexical semantics

For citation: Sharapova, A. K. Zootropes in the book *The Wonderful Land of Vodla* by A. S. Monakhova. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1071

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Selected works. Vol. I: Lexical semantics. Moscow, 1995. 481 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Lexicology and lexicography: Selected works. Moscow, 1977. 312 p. (In Russ.)
3. Dundukova, A. M. On the transformation of paradigmatic and syntagmatic word connections in a folklore text (on the bases of lexemes referring to the realm of nature). *Vestnik of Kostroma State University*. 2016;22(1):143–146. (In Russ.)
4. Dundukova, A. M. Lexico-semantic subgroup “Waterfowl” in “Onego Traditional Heroic Epics” by A. F. Guilferding. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*. 2011;5(118):85–88. (In Russ.)
5. Dundukova, A. M. Plants and animals’ names as trope elements of folklore text (on the example of “Onego Traditional Heroic Epics” by A. F. Guilferding). *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*. 2012;7(128):73–75. (In Russ.)
6. Dundukova, A. M. Ornithonyms in “Onego Traditional Heroic Epics” collected by A. F. Guilferding: composition and functioning. *The bird as image, symbol, and concept in literature, culture, and language: Collective monograph*. Moscow, 2019. P. 320–326. (In Russ.)
7. Zaliznyak, Anna A. Russian semantics from the typological perspective. Moscow, 2013. 640 p. (In Russ.)
8. Zvezdina, T. V., Novoselova, N. A. Sociocultural aspect realization of invective potential functioning of animal metaphors “dog”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2017;12(408):89–94. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-aspekt-realizatsii-potentsiala-invektivnogo-funktsionirovaniya-zoometafor-y-sobaka-kobel> (accessed 20.02.2024). (In Russ.)
9. Krongauz, M. A., Pipersky, A. C., Somin, A. A. One hundred languages. The universe of words and meanings. Moscow, 2018. 224 p. (In Russ.)
10. Mineeva, Z. I. Pragmatic potential of zootropes in works by Alexander Pushkin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;1(43):22–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.564 (In Russ.)
11. Mineeva, Z. I. Russian zootropes in the Russian National Corpus. Petrozavodsk, 2013. 94 p. (In Russ.)
12. Mineeva, Z. I. Functions of Russian zootropes. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2014;5(61):246–250. (In Russ.)
13. Shcherba, L. V. Selected works on the Russian language. (M. I. Matusevich, Ed.). Moscow, 1957. 186 p. (In Russ.)

Received: 25 March 2024; accepted: 24 June 2024